

Порноместь: к проблеме лингвистического анализа материалов порнографического содержания

О. В. Зайцева¹, П. А. Катышев²

¹Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ул. Садовая-Кудринская, 9, 123001, Москва, Россия. E-mail: deyaldelwer@mail.ru

²Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ул. Академика Волгина, 6, 117485, Москва, Россия. E-mail: katpa@rambler.ru

Статья посвящена проблеме экспертного анализа информации порнографического характера, представляющей ситуацию порномести (несогласованное размещение материалов сексуального содержания в публичном пространстве). В работе представлен перечень социальных практик, относящихся к порномести; устанавливаются участники коммуникативного акта: актер, адресаты – запечатленное лицо, референтная группа, сторонний участник; определяется интенциональная составляющая коммуникативной деятельности актера; дается перечень коммуникативных целей актера в условиях множественной адресности. Раскрываются особенности реконтекстуализации порнографического материала; при этом обращается внимание на слабую зависимость порнографического дискурса от экстралингвистического фона. Отмечается, что в ситуации порномести информация порнографического характера подвергается реконтекстуализации, что при поверхностном анализе затрудняет установление лингвистических (семиотических) признаков информации порнографического характера. Утверждается, что в условиях переноса порнографического текста в конфликтогенный контекст, порнографические смыслы сохраняются. При этом актуализация табуированного аспекта сексуального взаимодействия лежит в основе трансформации эмотивного потенциала и определяет характер отношений между участниками коммуникативной ситуации. Авторы приходят к выводу, что для установления лингвистических признаков информации порнографического характера необходима деконтекстуализация представленного на исследование текста. Анализ контекста распространения необходим для установления экстралингвистического фона коммуникативной деятельности актера.

Ключевые слова: порнографический нарратив, контекст, реконтекстуализация, интенциональность, дискурс-анализ.

Revenge Porn: On the Problem of Linguistic Analysis of Pornographic Content

O. V. Zaytseva¹, P. A. Katyshev²

¹Kutafin Moscow State Law University

9 Sadovaya-Kudrinskaya st., 123001, Moscow, Russia. E-mail: deyaldelwer@mail.ru

²Pushkin State Russian Language Institute

6 Academician Volgin st., 117485, Moscow, Russia. E-mail: katpa@rambler.ru

The paper discusses the problem of forensic analysis of pornographic information in revenge porn situation (non-consensual public placement of materials of sexual explicit content). The paper presents a list of social practices related to revenge porn, specifies the participants of the communicative act (actor, addressee- person caught on camera, addressee-reference group, addressee-third-party participant), determines the intentional component of the actor's communicative activity, gives a list of the actor's communicative goals in conditions of multiple addressee-targeting . The features of the recontextualization of pornographic material are revealed. A weak dependence of pornographic discourse on extralinguistic background is established. It is noted that in the situation of revenge porn sexual explicit information is subjected to recontextualization, which makes it difficult to establish linguistic (semiotic) signs of pornographic information in forensic analysis. It is established that under the conditions of the transfer of a sexual explicit text into a conflict-triggering context, pornographic meanings are preserved. At the same time, the actualization of the taboo aspect of sexual interaction underlies the transformation of the emotive potential and determines the nature of the relationship between the participants in the communicative situation. The

authors conclude that in order to establish the linguistic features of sexual explicit information, it is necessary to decontextualize the text submitted for forensic research. Analysis of the distribution context is necessary to establish the extralinguistic background of the actor's communication activity.

Key words: pornography narrative, context, re-contextualization, intentionality, discourse-analysis.

Актуальность.

Под порноместью понимается распространение в противоправных целях изображений/сообщений сексуального характера без согласия изображенного на них лица. Порноместь является одной из форм онлайн-насилия, что и обусловило интерес исследователей к данному явлению в правоприменительном аспекте [Голованова 2018; Юрченко 2018; Голованова 2019; Ильницкий 2021]. Наиболее детально порноместь описывается в англоязычных работах. В частности, затрагиваются сопряженные с ней репутационные риски, возникающие перед потерпевшими вследствие распространения материалов сексуального характера [Langlois & Slane 2017; Haynes 2018; Mckinlay & Lavis 2020; Pavón-Benítez, Romo-Avilés & Tarancón Gómez 2021; Serpe & Brown 2021].

В странах англосаксонской правовой семьи (таких как Канада, Великобритания, США), с господствующим в них прецедентным правом, порноместь криминализована – для защиты интересов потерпевших предусмотрены отдельные законы на федеральном уровне или на уровне штата (как, например, в США). В ряде законодательств романо-германской правовой семьи также стали появляться законы против порномести. Так, в Испании уголовная ответственность наступает по ст. 197 Ley Organica 10/1995; в Германии – по ст. 201a УК (Verletzung des höchstpersönlichen Lebensbereichs und von Persönlichkeitsrechten durch Bildaufnahmen [Нарушение неприкосновенности частной жизни и личных прав через распространение снимков]); во Франции – согласно закону № 2016–1321 от 7.10.2016 République numérique [LOI № 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique].

В уголовном законодательстве Российской Федерации квалификация порномести находится на стыке статей: ответственность за порноместь наступает по ст. 137 [Нарушение неприкосновенности частной жизни] и ст. 242 УК РФ [Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов], в связи с чем следствие при назначении лингвистической экспертизы ставит вопрос о наличии в материалах лингвистических признаков информации порнографического характера. Несмотря на отсутствие в российском законодательстве закрепленного определения «порнографии / порнографических материалов», из совокупности комментариев к ст. 242, 242.1, п. 8 ст. 2 ФЗ от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и сведений из обвинительных приговоров (решение Калининского районного суда города Чебоксары от 12.04.2016 по делу N 2-1607/2016~М-1001/2016; Решение Апастовского районного суда Республики Татарстан от 19.02.2015 по делу N 2-132/2015~М-59/2015; приговор Ленинского районного суда города Пензы от 03.08.2015 по делу N 1-69/2015) следует, что содержательная сторона порнографии предполагает натуралистичное (детализованное) изображение/описание половых органов, полового акта / его имитации или иных форм сексуального взаимодействия / их имитации. Прагматический (мотивационный) аспект порнографических материалов связан с его использованием/распространением в сексуальных целях.

В содержательном аспекте порноместь в большинстве случаев соответствует критериям информации порнографического характера, однако прагматика порномести на первый взгляд отлична от привычных форм порнографического дискурса, в связи с чем эксперт-лингвист сталкивается с проблемой оценки материалов. Как социальный феномен и дискурсивная практика порноместь остается не изученной ни в русскоязычном пространстве, ни в работах исследователей, обобщающих судебную практику, сложившуюся на Западе. Таким образом, цель данной статьи – описание и анализ данного явления и разработка экспертных рекомендаций для анализа порномести.

Параметризация интерперсонального аспекта порномести

В широком смысле к порномести можно отнести три типа практик, связанных с несогласованным распространением компрометирующего материала:

(1) публикации компрометирующих материалов без информирования об этом жертвы. Распространение контента может осуществляться без цели причинения запечатленному лицу репутационного ущерба. Контент размещается на тематических сайтах или в тематических изданиях либо пересылается в межличностной беседе актора с представителями своей референтной группы как целенаправленно, так и случайно. В данном типе порномести запечатленное лицо не выступает в качестве адресата, о размещении компрометирующего контента узнает случайно от сторонних участников или ближайшего окружения. Содержащаяся информация о запечатленном лице не детализирована и в подавляющем большинстве случаев не позволяет адресату установить с ним контакт (пример: Wood v. Hustler Magazine, Inc., 736 F.2d 1084, 1093, Ashby v. Hustler Magazine, Inc., 802 F.2d 856);

(2) публикация компрометирующих материалов и сведений о запечатленном лице в результате кражи персональных данных. Распространение контента и сведений осуществляется с целью причинения запечатленному лицу репутационного ущерба. Обнародование компрометирующего материала и сведений о запечатленном лице происходит в результате отказа выполнять требования злоумышленника (речевой жанр «секстортинг»), т. е. является формой наказания (пример: United States v. Moore, 2:13-cr-00917, District Court, C.D. California);

(3) публикация компрометирующих материалов и сведений о запечатленном лице бывшим партнером. Обнародование компрометирующего материала и сведений о запечатленном лице происходит в результате межличностного конфликта запечатленного лица и актора, т. е. является реактивным поведением последнего

(пример: *Police v Joshua Ashby*; *Police v Ravshan Usmanov* [2011] NSWLC 40; *United States v. Moore*, 2:13-cr-00917, District Court, C.D. California).

Тем самым, модель дискурсивного жанра порномести предполагает наличие:

- актора (агенса коммуникативного акта, «говорящего»), адресата – запечатленного лица, адресатов – сторонних участников (ближайшее окружение, или так называемая референтная группа, и сторонних наблюдателей);
- материалов сексуального содержания, расцениваемых актором как компрометирующие;
- сопроводительной информации, содержащей сведения о личности изображенного лица (внешности, имени) и его контактной информации – указание его адреса (либо адреса родственников), номера телефона, социальных сетей или имейла и пр.

В случае порномести акцент преимущественно делается на факте проявления запечатленным лицом сексуальности и характеристики его личности. Состояние сексуального возбуждения в публичном дискурсе рассматривается постыдным социальным качеством и подвергается стигматизации [Goffman 1970; Гергилов 2017]. Мужская/женская гендерная идентичность подчинена значительному количеству социальных норм, нарушение которых ставит под сомнение всю идентичность индивида в целом [Гергилов 2017]. Через обнародование интимных снимков актер закрепляет запечатленное лицо в статусе аутсайдера, помещает его в условия изоляции через информирование общественности (как референтной группы, так и социума в целом) о социально нежелательных качествах запечатленного лица – сексуальной доступности, склонности к промискуитету и также (в некоторых случаях) готовности вступать в сексуальную связь с представителями стигматизируемых социальных/национальных/религиозных групп. Тем самым обнародование компрометирующих материалов, как предполагается, создает дистанцию между запечатленным лицом и обществом.

Актер прогнозирует ролевое поведение адресатов и выстраивает коммуникативную деятельность с учетом позиций каждой из сторон. Несмотря на то, что порноместь актуализирует выражение негативной оценки действий и поведения запечатленного лица, данный коммуникативный жанр можно рассматривать как одну из диспозитивных форм побуждения (об особенностях диспозитивных форм побуждения см. [Волкова 2011; Мартемьянова 2013]). Размещая в публичном пространстве компрометирующие материалы и персональную информацию запечатленного лица, актер целенаправленно оказывает идейно-психологическое воздействие на адресата и подталкивает его к определенной социальной активности. За счет публикации компрометирующего материала и персональной информации запечатленного лица реализуются следующие коммуникативные цели актора:

1) в отношении адресата – запечатленного лица:

- информирование о наличии у актора компрометирующих материалов с участием запечатленного лица;
- информирование о распространении (в некоторых случаях возможности распространения) компрометирующих материалов;

2) в отношении адресатов – сторонних участников:

(а) референтной группы (родителей, родственников, партнеров, друзей и знакомых):

- информирование о социально неодобряемом поведении запечатленного лица;
- побуждение к выражению неодобрительного отношения к поведению запечатленного лица (а также к дистанцированию от запечатленного лица или отказу от поддержания каких-либо отношений с ним);

(б) сторонних участников коммуникативного акта:

- побуждение к установлению контакта с запечатленным лицом / его референтной группой (если были указаны контакты кого-то из ближайшего окружения) (1) для выражения негативного отношения к поведению запечатленного лица; (2) для информирования запечатленного лица / его референтной группы о состоянии сексуального возбуждения, возникшего в результате ознакомления с материалом сексуального содержания с участием запечатленного лица;

- побуждение к удовлетворению половой потребности (за счет ознакомления адресата с материалом сексуального содержания с участием запечатленного лица).

Особенности реконтекстуализации порнографического материала: рекомендации к лингвистическому анализу

Порнографический дискурс предполагает единство внутреннего содержания контента и его прагматической направленности; алгоритм разбора, учитывающий это единство, отражен в экспертных методиках (И. Г. Корнилова) и работах теоретической направленности (А. Н. Баранов, В. В. Нагаев). Так, **с точки зрения семантики**, важна (1) тематическая соотнесенность информации с сексуальной сферой (**признак 1**), (2) непристойный характер информации (**признак 2**), связанный в рамках публичного и официального дискурса с табуированными темами, (3) соответствие критерию натуралистичности (**признак 3**) за счет детализованной демонстрации половых органов, полового акта и/или его имитации, иных форм сексуальной активности и/или их имитации; **с точки зрения прагматики** – (4) в реализации коммуникативной цели, связанной с информированием адресата о состоянии сексуального возбуждения у запечатленного лица и побуждения адресата к ознакомлению с материалами с целью удовлетворения сексуальной потребности (**признак 4**) (более подробно см. [Нагаев 2009; Баранов 2018; Корнилова 2019]).

Имея дело с классическим порнографическим текстом (вне зависимости от формы репрезентации – вербальной, визуальной, комбинированной), эксперт-лингвист не испытывает сложностей в интерпретации заложенных в нем

смыслов. Любой эпизод взаимодействия индивидуумов зависит от экстралингвистического фона, к которому можно отнести как коммуникативную ситуацию, так и социокультурный контекст [Чернявская 2023]. В рамках порнографического дискурса на содержание и формы его выражения накладываются ограничения. У участников коммуникации и сторонних наблюдателей сформировано представление о том, какое поведение следует определять как непристойное и относящееся к категории высокой степени эксплицированности сексуальных смыслов. Тем самым порнографический текст (в силу социокультурной традиции) представляет собой самодостаточное произведение. Коммуникативная цель его создания и размещения определяется за счет декодирования заложенных в нем значений. Вербальные и невербальные средства выражения смыслов в рамках порнографического дискурса характеризуются эксплицитностью, что отражено на интенциональном уровне – практически любая манипуляция индивида со своим телом с целью удовлетворения сексуальных потребностей либо описание таковой предполагают однозначную интерпретацию материала – пример лингвистического (семиотического) анализа представлен в QR-code 1. Информация о размещении/распространении, об участниках коммуникации и их характеристиках является факультативной. Она расширяет экстралингвистический контекст, но не играет ключевой роли при определении прагматического аспекта порнографического текста.

QR-code 1: Пример лингвистического (семиотического) анализа материалов, содержащих признаки информации порнографического содержания

На первый взгляд в ситуации порноности табуированные смыслы претерпевают изменения. Создается впечатление, что ключевые трансформации происходят в плоскости прагматики: материалы помещаются в конфликтный контекст, что исключает возможность их размещения в сексуальных целях – происходит изменение его прагматического значения. И хотя распространяемая информация все еще соотносима с сексуальной тематикой и соответствует критериям непристойности и натуралистичности, при поверхностном анализе эксперт-лингвист может вынести отрицательный вывод о наличии в материале лингвистических (семиотических) признаков информации порнографического характера – пример такого ошибочного лингвистического (семиотического) анализа представлен в QR-code 2.

QR-code 2: Пример ошибочного лингвистического (семиотического) анализа материалов в рамках речевого жанра «порноность»

В случае с порноностью информация порнографического характера подвергается реконтекстуализации. Под реконтекстуализацией понимается процесс извлечения текста или его фрагмента из исходного контекста («source context») и размещение его в целевом контексте («destination context») [Chilton & Schäfner 2002: 17; Connolly 2014]. Предполагается, что при реконтекстуализации происходит подавление части смыслового потенциала за счет абстрагирования от исходного экстралингвистического фона в целях реконтекстуализирующего актора [Bernstein 1996: 24, 53; Chouliaraki & Fairclough 1999: 126]. Изменение контекста неизбежно влечет за собой ресемантизацию (процесс трансформации значения при помещении текста в целевой контекст). Однако степень трансформации значения – приобретение текстом дополнительных семантических приращений или утрата им исходных смыслов – зависит от того, (1) какой смысловой материал должен быть перемещен из исходного контекста (принцип «отбора» – «selection»/ «selective appropriation»), (2) в какой контекст он помещается (принцип «расположения» – «arrangement»/«relocation»), (3) какое значение намеревается актуализировать актор (принцип «актуализации» – «foregrounding»/«refocusing») и какая модальность с учетом нового социокультурного фактора должна быть

инкорпорирована (принцип «социальной реорганизации» – «social repositioning»/«abstraction») [Bezemer & Kress 2008; Bernstein 1996; Fryer 2016].

При помещении порнографического текста в конфликтогенный контекст происходит переосмысление социальной практики. Текст не только несет в себе табуированные смыслы, но и представляет собой социальное действие, в котором реализуются интенции коммуникантов. Закодированные смыслы представляют значимость для актора ввиду того, что их перемещение из сферы личного в сферу публичного способно нанести репутационный ущерб запечатленному лицу. В целевом контексте не только сохраняется порнографическое значение, но и актуализируется его табуированный аспект, что приводит к видоизменению эмотивного потенциала (выражение состояния сексуального возбуждения в исходном контексте преобразуется в источник негативных эмоций у адресатов) и определяет характер отношений между участниками коммуникативной ситуации.

Таким образом, при исследовании материалов, помещенных актором в ситуацию порномести, сначала требуется проведение анализа текста изолированно от контекста распространения. Деконтекстуализация материала в данном случае является необходимым этапом экспертного исследования и направлена на выявление свойств обнародованного текста, представляющих личный интерес для актора в силу появляющихся репутационных рисков для запечатленного лица. Последующий анализ контекста распространения скорее будет указывать на дополнительные смыслы, которые возникли в результате реконтекстуализации материалов, направлены на раскрытие характера отношений между участниками коммуникации и необходимы для установления всего спектра коммуникативных целей актора в условии множественной адресности – пример лингвистического (семиотического) анализа представлен в QR-code 3.

QR-code 3: Пример корректного лингвистического (семиотического) анализа материалов в рамках речевого жанра «порноместь»

Выводы

В ситуации порномести эксплуатируется табуированный аспект порнографических смыслов. В процессе переноса порнографического текста из исходного контекста (сферы межличностных или аутоличностных отношений) в целевой (например, в сферу массовой коммуникации) заложенные в нем смыслы не претерпевают трансформации (хотя и приобретают дополнительные семантические приращения), так как перенос порнографического содержания входит в целеустановку актора. В связи с этим при производстве лингвистической экспертизы / лингвистического исследования необходимо учитывать, что анализ текста на предмет содержания признаков информации порнографического характера должен сначала проводиться изолированно от контекста распространения. Конфликтогенный контекст, в который помещены порнографические смыслы, является вторичным по отношению к транслируемым значениям и содержит сведения о характере взаимодействия его участников, что является релевантным для установления всего спектра коммуникативных целей актора.

Понимание особенностей реконтекстуализации в рамках порнографического дискурса необходимо для комплексной оценки специфичных социальных практик и минимизации рисков экспертной ошибки. Вышеизложенные рекомендации можно также применять при исследовании схожих форм порнографической коммуникации, например порношантажа (секстортинг), кибербуллинга, скрытой рекламы сексуальных услуг, ситуации размещения порнографических материалов в треш-пабликах с целью привлечения внимания подписчиков.

Литература

- Bernstein B. *Pedagogy, Symbolic Control and Identity: Theory, Research, Critique*. London, 1996.
- Bezemer J. and Kress G. *Writing in multimodal texts: a social semiotic account of designs for learning / Written Communication*. – 2008. – 25(2) – Pp. 166-195.
- Boyd M. S., Monicelli C. *Genre In/Exclusion and Recontextualization: Interpreting at the Italian Ministry of Defense / Interpreting across Genres: Multiple Research Perspectives*, Trieste. – 2012. – Pp. 184-200.
- Chilton P. and Schäffner Ch. *Politics as Text and Talk: Analytic Approaches to Political Discourse*. Amsterdam and Philadelphia, 2002.
- Chouliaraki L. & Fairclough N. *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh, 1999.
- Connolly J.H. *Recontextualisation, resemiotisation and their analysis in terms of an FDG-based framework / The interaction between context and grammar in Functional Discourse Grammar. Pragmatics*. – 2014. – 24:2. – Pp. 377-397.
- Fryer D. L. *Cut and paste: recontextualizing meaning-material in a digital context. / Systemic Functional Linguistics in the Digital Age*. Sheffield. – 2016. – Pp. 151-165.

- Goffman E. Stigma. Über Techniken der Bewältigung beschädigter Identität, Frankfurt/Main.
- Haynes J. Judicial approaches to combating "revenge porn": a multi-jurisdictional perspective / Commonwealth Law Bulletin. – 2018. – 44(3). – Pp. 400–428. doi:10.1080/03050718.2019.1635034
- Mckinlay T. & Lavis T. Why did she send it in the first place? Victim blame in the context of "revenge porn." / Psychiatry, Psychology and Law. – 2020 – Pp. 1–11. doi:10.1080/13218719.2020.1734977
- Pavón-Benítez L., Romo-Avilés N., & Tarancón G. "In my village everything is known": sexting and revenge porn in young people from rural Spain / Feminist Media Studies. – 2021 – Pp. 1–17. doi:10.1080/14680777.2021.1935290
- Langlois G., & Slane A. Economies of reputation: the case of revenge porn / Communication and Critical/Cultural Studies. – 2017. – 14(2). – Pp. 120–138. doi:10.1080/14791420.2016.1273534
- Serpe C. & Brown C. The Objectification and Blame of Sexually Diverse Women who are Revenge Porn Victims / Journal of Gay & Lesbian Social Services. – 2021. – Pp. 1–23. doi:10.1080/10538720.2021.1911901
- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2018.
- Волкова А. Е. Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности / Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2011. – №4. – С. 134–141.
- Гергилов Р. Е. Стыд: социологическая перспектива / Мониторинг. – 2017. – №2 (138). – С. 115–127.
- Голованова Н. А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение / Журнал российского права. – 2018. – №8 (260). – С. 113–123.
- Голованова Н. А. Новые формы онлайн-преступности за рубежом / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – №3. – С. 42–57.
- Ильницкий А. С. Криминологические риски интимной коммуникации в сети интернет / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №9. – С. 106–109.
- Корнилова И. Г. Теоретические и практические основы формирования экспертной методики исследования информации порнографического характера. Махачкала, 2019.
- Мартемьянова С. С. Интерпретация медиатекста как инструмент имплицитного убеждения / Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №3. – С. 73–77
- Нагаев В. В. Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертизы. Монография. М., 2009.
- Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе / Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – №4. – С. 83–93.
- Юрченко И. А. Сталкер как субъект уголовной ответственности / Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – №12 (52). – С. 53–61.

References

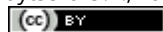
- Baranov, A. N. (2008). Linguistic examination of the text. Theoretical foundations and practice. Moscow (in Russian).
- Bernstein, B. (1996). Pedagogy, Symbolic Control and Identity: Theory, Research, Critique. London.
- Bezemer, J. and Kress, G. (2008). Writing in multimodal texts: a social semiotic account of designs for learning. *Written Communication*, 25(2), 166-195.
- Boyd, M. S., Monicelli, C. (2012). Genre In/Exclusion and Recontextualization: Interpreting at the Italian Ministry of Defense", in: Cynthia J. Kellett Bidoli (a cura di), "Interpreting across Genres: Multiple Research Perspectives", Trieste, 184-200.
- Chernyavskaya, V. E. (2017). Context operationalization in discursive analysis / *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 4, 83–93 (in Russian).
- Chilton, P. and Schäffner, Ch. (2002). *Politics as Text and Talk: Analytic Approaches to Political Discourse*. Amsterdam and Philadelphia.
- Chouliaraki, L. & Fairclough, N. (1999). *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh.
- Connolly, J. H. (2014). Recontextualisation, resemiotisation and their analysis in terms of an FDG-based framework. *The interaction between context and grammar in Functional Discourse Grammar. Pragmatics*, 24:2, 377–397.
- Fryer, D. L. (2016). Cut and paste: recontextualizing meaningmaterial in a digital context. *Systemic Functional Linguistics in the Digital Age*, 151-165.
- Gergilov, R. E. (2017). Shame: a sociological perspective. *Monitoring*, 2 (138), 115–127 (in Russian).
- Goffman, E. (1970). *Stigma. Über Techniken der Bewältigung beschädigter Identität*, Frankfurt/Main.
- Golovanova, N. A. (2018). Problems of combating bullying: a legislative solution. *Journal of Russian Law*, 8 (260), 113–123 (in Russian).
- Golovanova, N. A. (2019). New forms of online crime abroad. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 3, 42–57 (in Russian).
- Haynes, J. (2018). Judicial approaches to combating "revenge porn": a multi-jurisdictional perspective. *Commonwealth Law Bulletin*, 44(3), 400–428. doi:10.1080/03050718.2019.1635034
- Il'nitsky, A. S. (2021). Criminological risks of intimate communication on the Internet. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 9, 106–109 (in Russian).
- Kornilova, I. G. (2019). Theoretical and practical foundations for the formation of an expert methodology for the study of information of a pornographic nature. *Makhachkala* (in Russian).

-
- Langlois, G., & Slane, A. (2017). Economies of reputation: the case of revenge porn. *Communication and Critical/Cultural Studies*, 14(2), 120–138. doi:10.1080/14791420.2016.1273534
- Martemyanova, S. S. (2013). Interpretation of media text as a tool for implicit persuasion. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*, 3, 73–77 (in Russian).
- Mckinlay, T., & Lavis, T. (2020). Why did she send it in the first place? Victim blame in the context of “revenge porn.” *Psychiatry, Psychology and Law*, 1–11. doi:10.1080/13218719.2020.1734977
- Nagaev, V. V. (2009). *Erotica and pornography. Criteria for differences. Problems of legal assessment and expertise. Monograph. Moscow* (in Russian).
- Pavón-Benítez, L., Romo-Avilés, N., & Tarancón Gómez, P. (2021). “In my village everything is known”: sexting and revenge porn in young people from rural Spain. *Feminist Media Studies*, 1–17. doi:10.1080/14680777.2021.1935290
- Serpe, C. & Brown, C. (2021). The Objectification and Blame of Sexually Diverse Women who are Revenge Porn Victims. *Journal of Gay & Lesbian Social Services*, 1–23. doi:10.1080/10538720.2021.1911901
- Volkova, A. E. (2011). Ways of expressing indirect motivation in statements of varying degrees of categoricalness / *Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin*, 4, 134-141 (in Russian).
- Yurchenko, I. A. (2018). Stalker as a subject of criminal liability / *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin*, 12 (52), 53–61 (in Russian).
-

Citation:

Зайцева О.В., Катышев П.А. Порноместь: к проблеме лингвистического анализа материалов порнографического содержания // *Юрислингвистика*. – 2023. – 30. – С. 71-77.

Zaytseva O.V., Katyshev P.A. (2023) Revenge Porn: On the Problem of Linguistic Analysis of Pornographic Content. *Legal Linguistics*, 30, 71-77.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
